

УДК 343.1: (075.8)

**К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© 2013 г.

А.В. Азутин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

avagutin@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.05.2013

Рассматривается нравственность как системообразующий компонент уголовно-процессуальной деятельности. Определено место нравственности в структуре уголовно-процессуальной деятельности. Исследованы смыслообразующие основания нравственности в уголовно-процессуальной сфере в контексте культурно-исторического наследия российского народа.

Ключевые слова: нравственность, истина-правда, духовность, культура, структура, уголовно-процессуальная деятельность, цель.

Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности базисно опираются на культурно-историческое наследие российского народа. Именно в нем нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности приобретают свой смысл и значение. В уголовно-процессуальной деятельности нравственность является действенным средством достижения уголовно-процессуальной цели – установления истины (правды) по уголовному делу, а следовательно, и борьбы с преступностью.

Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности невозможно рассматривать в отрыве от духовности российского народа. Духовность является необходимым атрибутом нравственности в российской общности. Без духовности в нашем обществе все разговоры о нравственности носят отвлеченный (абстрактный) характер, включая и ту их часть, которая непосредственно связана с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности. В этом состоит специфика проявления нравственных основ в уголовно-процессуальной сфере.

Нравственность и духовность в уголовно-процессуальной сфере представляют собой единое целое. Отрывать одно от другого означает вставать на путь дезорганизации уголовно-процессуальной деятельности на началах безнравственности. Нельзя противопоставлять друг другу нравственность и духовность, поскольку они являются одним единым целым. В этом смысле любые их разграничения возможны в исследовательских (в значительной мере объяснительных) целях.

Уголовно-процессуальная деятельность, как и любая деятельность в культурной системе

российского народа, зависима от духовно-нравственных абсолютов. Без учета нравственной и духовной основы российского народа вообще невозможно создавать какую-либо правовую доктрину. Неслучайно в контексте философии соборности А.С. Хомяков говорит о науке права как «права самобытного, самостоятельного, носящего в себе свои собственные начала и законы своего определения» и показывает при этом: «наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнанных пределах силы человеческой, то есть о нравственных обязанностях» [1]. Исходя из них, А.С. Хомяков выявил православные основания свободы, раскрыл её особый смысл, «подчиняющийся безусловным началам веры». Он также указал на символический характер нравственной нормы, отличающей её от права, во многом связанного с деятельностью законодателя. Свобода и закон существуют в праве, отражая внешнюю жизнь человека и общества.

Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности являются достоянием культурной системы российского народа. Причем различными культурами было создано огромное количество самых разнообразных норм поведения и общения. «Одним из первых регуляторов человеческого поведения стали нравы, которые были предназначены регулировать повседневное поведение людей, способы реализации ценностей, оценивать различные формы их отношений и т.д. Из всех культурных норм нравы являются наиболее подвижными и динамичными, поскольку призваны регулировать текущие события и поступки. Нравы – это

моральные оценки допустимости тех или иных форм как собственного поведения, так и поведения других людей. Под действие этого вида культурных норм попадают такие формы поведения, которые бытуют в данном обществе и могут быть подвергнуты нравственной оценке» [2].

По своему статусу нормы нравственности, включая и ту их часть, которая непосредственно взаимосвязана и взаимообусловлена с уголовно-процессуальной деятельностью, являются продуктом той или иной культуры. В нашей общности нормы нравственности могут нормально функционировать только в том случае, когда они представляют собой результат творчества культурной системы российского народа. Идея нравственно-правового наследия получила развитую концептуальную форму в философии права В.С. Соловьева. Существование абсолютного начала божественного порядка составляет, по Соловьеву, возможность самой нравственности. Абсолютное начало в синтезе с конечным миром в нравственной сфере выступает как понятие высшего блага, или добра. «Так, например, подчинение народным и отеческим преданиям и установлениям есть доброе дело...» [3].

Синтез добра, религиозного и светского культурно-исторического наследия российского народа, преданий является верным путем реанимации нравственности в уголовно-процессуальной сфере. И не только. Синтез добра, культурно-исторического наследия нашего народа и свойственной ему нравственности способен внести свой вклад и в дело нейтрализации правового нигилизма, господствующего в уголовно-процессуальной сфере. Ведь очевидно, что уголовно-процессуальное право, созданное по образу кантланской правовой доктрины, безнравственно. В результате мы попадаем в ситуацию, когда необходимо сделать выбор между безнравственным уголовно-процессуальным правом и нравственностью, обусловленной культурно-историческим наследием российского народа. Результат подобного выбора заранее предсказуем – мы пойдем нравственной дорогой. «Для того чтобы сила сделалась правом, – писал в свое время А.С. Хомяков, – надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права» [4].

Нравственная обязанность является главным критерием различения права и не права в уго-

ловно-процессуальной сфере. Только нравственная обязанность придает сознанию российского человека смысл права при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Без смысла при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности нет права. Поэтому оно не придает западному праву смысл права в уголовно-процессуальной сфере. Западное право – это не право. Не право не может быть правом. Не право является наследником римской юридической традиции. А.С. Хомяков так раскрывает существо римской юридической традиции: «Если мы захотим господствующую особенность римского образования выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался именно в том, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей» [5].

Своими размышлениями мы развенчиваем миф юристов о низкой правовой культуре России, биче России – правовом нигилизме – отрицании права и его ценности для российской цивилизации. Главное заблуждение, в которое впадают ученые, – это оценка русской правовой культуры с точки зрения западноевропейских теорий верховенства права и закона в жизни общества, естественных прав человека во главе с идеалом свободной личности [6]. Западноевропейская доктрина права с присущей для нее нравственностью чужда нравственности российского народа и на ментальном уровне. В обосновании правомерности своей мысли обратимся к исследованиям русского юридического языка как воплощения ментальных и нравственных начал в нашем правовом сознании. Так, по мнению специалиста по русскому юридическому языку Т.В. Губаевой, у нас, у русских, разное представление о праве с западноевропейскими народами [7]. «Святая правда» («правда-истина») является высшим нравственным идеалом не только поведения в целом российского человека, но и субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Юридические (законодательные) формы производны от нравственного идеала «правды-истины». Они не способны собой затмить нравственный идеал «правды-истины». Отсюда вполне уместен вывод о том, что отечественное уголовное судопроизводство в своем основании должно опираться «на правду-истину». В любом ином виде уголовно-процессуальное законодательство не способно породить право. По этому поводу в свое время И.С. Аксакова писал: «Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное

изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе существующее...» [8].

Вообще в контексте культурно-исторического наследия российского народа серьезно вести разговор об уголовно-процессуальном праве возможно только в том случае, когда в нем будет проведена красной нитью «правда-истина». В любом ином случае уголовно-процессуальный закон будет отвергаться и порождать самое отрицательное значение правового нигилизма в уголовно-процессуальной сфере. Поэтому неслучайно Н.В. Устрялов замечает: «Право, как явление самостоятельное, как самодовлеющий принцип, решительно отвергалось славянофилами. Выражаясь современным научным языком (в терминах «западноевропейской науки») они не признавали за правом специфического аргіогі и отстаивали этическое аргіогі права» [9].

Отрицание права как такового со стороны славянофилов объяснимо. Ведь право не может существовать абстрактно. Оно должно быть взаимосвязано и взаимообусловлено с культурно-историческим наследием российского народа. Одним из его проявлений является нравственный идеал «правды-истины». Нравственный идеал «правды-истины» иной по сравнению с западноевропейским идеалом свободы. По своему статусу западноевропейский идеал свободы не является нравственным идеалом. Идеал свободы в западноевропейском сознании выступает в качестве универсального идеологического инструментария.

По своему статусу идеал свободы в западном обществе, будучи инструментом идеологии, выступает в качестве внешней правды (права). Западноевропейская свобода формальна и абстрактна. В её основе заложена идея не внут-

ренней, а внешней свободы. Свобода в западноевропейском обществе является отвлеченной правдой. Отвлеченная (-ое) правда (право) чужда нравственному идеалу «правды-истины». Поэтому любые попытки в нашем обществе сформировать право, включая и ту её часть, которая имеет отношение к уголовно-процессуальной деятельности, на идеалах западноевропейской свободы обречены на неудачу. Принудительная же реализация западноевропейской свободы посредством идеологического инструментария способна привести к дезорганизации уголовно-процессуальной деятельности за счет искусственного развертывания в ней безнравственных начал.

Список литературы

1. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебн. для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М., 2002. 352 с.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 1.
4. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008.
5. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М., 2008.
6. Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10.
7. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2007.
8. Аксаков И.С. Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
9. Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин, 1925.

ON MORAL FOUNDATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

A. V. Agutin

This article presents the rationale for morality as a system-forming component of criminal procedure activities and defines the place of morality in the structure of criminal procedure. The meaning-making foundations of morality in the field of criminal procedure are investigated in the context of the cultural and historical heritage of the Russian people.

Keywords: morality, truth – verity, spirituality, culture, structure, criminal procedure, purpose.